

Т. В. Воробьева

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

В современной геополитической ситуации резко возросла роль информационных технологий, с помощью которых геополитические противники России стремятся разрушить изнутри единство общества. Она из главных технологий, используемых Западом – фальсификация исторической памяти, что должно облегчить формирование так называемого нового мирового порядка.

Ключевые слова: общество информационное, геополитика, технологии цифровые, память историческая, память социальная, идеология.

T. V. Vorobyova

HISTORICAL MEMORY IN THE MODERN GEOPOLITICAL SITUATION

In the modern geopolitical situation, the role of information technologies has sharply increased, with the help of which Russia's geopolitical opponents seek to destroy the unity of society from within. It is one of the main technologies used by the West – falsification of historical memory, which should facilitate the formation of the so-called new world order.

Keywords: information society, geopolitics, digital technologies, historical memory, social memory, ideology.

Процессы глобализации, происходящие в современном мире, влекут за собой осознанное увеличение и углубление конкуренции между всеми участниками мировой геополитической системы. Формирование информационного общества кардинально изменило геополитическую расстановку сил и картину мира. *«В первую очередь основным ресурсом в информационном обществе стала информация и информационные технологии, которые вытеснили или понизили значимость таких стратегических ресурсов, как природные ископаемые, население, территория и т. д.»* [23, с. 15], – считают современные исследователи. Однако целями этого информационного противостояния по-прежнему является захват чужих ресурсов. «Опираясь на те изменения, которые предвещает нам четвёртая промышленная революция, сможем ли мы достичь какого-либо альтернативного равновесия, которое аналогичным образом превращало бы уязвимость в залог безопасности и стабильности?», – вопрошал Клаус Шваб в своей знаменитой книге «Четвёртая промышленная революция» [24, с. 73] и оптимистично рассуждал о возможности государств договориться. Но действительность оказалась совсем иной. Возникшее информационное общество привело к пересмотру старых положений в политике в целом и в геополитике в частности.

Новым составляющим геополитического пространства стало пространство информационных и психологических отношений. Обострилась борьба геополитических субъектов, их союзов и коалиций за достижение информационного превосходства, за обладание более развитыми информационными ресурсами, открывающими лучшие возможности для установления контроля над информационными ресурсами соперников в этой борьбе, что становится основным направлением геополитической конкуренции и существенно меняет весь её характер. Ресурсы информационного общества, включающие в себя информационные потоки, информационно-телекоммуникационные сети и объекты их инфраструктуры, а также источники, порождающие (генерирующие) информацию или придающие ей в процессе анализа и обработки новое качество (например, порталы научно-исследовательских центров с их высоким интеллектуальным потенциалом), являются важнейшим стратегическим ресурсом для каждого субъекта геополитической конкуренции. За обладание ими в основном и разворачивается геополитическая борьба, в результате которой одни субъекты получают преимущества, а другие их теряют, что отражается на состоянии их безопасности [27].

В этих условиях все большее геополитическое значение приобретает управление про-

шлым как инструмент формирования новой реальности. Фантазмагорический в контексте известного романа Джорджа Оруэлла «1984» лозунг *«Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым»* [14] трансформируется сегодня в реальную антироссийскую установку, ориентирующую на размывание (уничтожение) исторической памяти народов страны, переписывание её истории в политических целях. Властные элиты Запада явно хотят повторить историю за счёт лучшего для них геополитического дубля. Её переписывание стало глобальным проектом «АнтиРоссия». Используя особенности исторического сознания людей, геополитические противники используют технологии «Окна Овертона». Цель применения данной технологии – манипуляция общественным сознанием для «постепенного принятия им доселе чуждых ему идей» [7].

Историческая память напрямую связана с перспективами формирования нового мирового порядка. «Подмена» истории без всякого стеснения увязывается с актуализированными установками и задачами западной, прежде всего американской, внешнеполитической стратегии. Происходит опасная ревизия итогов Второй мировой войны, выхолащивание сути Ялтинских и Потсдамских соглашений, заложивших основы современного мироустройства.

Размывание исторической памяти ставит целью воспрепятствовать России быть в меняющемся мировом порядке объективно значимым геополитическим тяжеловесом и эффективным уравновешивающим фактором в международных отношениях и глобальной политике [13]. В связи с этим имеет смысл обратиться к теоретическим основам американской внешней политики, впервые систематично изложенным в работе Ф. Тернера «Фронтир в американской истории» [21]. Эти основы содержат два основных постулата: 1) Сама судьба выбрала США носителем демократии, в связи с чем у страны есть право на территориальное расширение и политическое вмешательство в судьбы других государств; 2) Основа этих процессов – защита от внешних врагов демократии, которыми сначала были индейцы, а в настоящее время стали государства, политика которых противоречит интересам США.

Ф. Дж. Тернер считается теоретиком и «отцом-основателем» современной геополитики и в целом идеологом американского экспансионизма как прошлого времени, так и современ-

ности. Достаточно проанализировать речи всех президентов США, чтобы убедиться в том, что они верны задачам, сформулированным отцами-основателями и окончательно закреплёнными Ф. Дж. Тернером, – «защиты» миропорядка в американском понимании от его врагов. Но сейчас фронтир, как место столкновения ковбоев и индейцев, охотников за скальпами и охотников за золотом, преобразовался во фронтир другого порядка – место встречи западного либерализма и восточного консерватизма, идеи прогресса и мнимой косности азиатского и африканского мышления [18]. Это даёт американцам несколько парадоксальную роль невинных жертв, ведущих оборонительную войну, игнорируя при этом экспансивные и разрушительные качества своего собственного общества. Как раньше поселенцы заявляли, что они стали жертвами вероломной агрессии индейцев, так впоследствии, уже в XXI в., США открыто развязали или вмешались почти в два десятка вооружённых конфликтов по всему миру, трактуя эти действия как оборонительные войны. Но когда территориальное расширение ограничено физическими границами и возможностями других государств, освоение пространства стало трактоваться идеологами внешней политики Соединённых Штатов как покорение новых для США «фронтиров»: от освоения космоса до идеологического превосходства, путём переписывания и фальсификации истории в своих интересах [2]. Более того, теперь это попытка открытия и завоевания восточноевропейских и непосредственно российских «границ» [22, с. 4]. Мотив постоянного движения, непрекращающегося смещения фронта нашёл своё отражение в неуклонном расширении сферы национальных интересов США [18, с. 44]. Достижению этих целей способствует коррекция и регулирование исторической памяти, образов тех или иных событий в общественном сознании, на основе современных коммуникативных технологий, что является одним из наиболее эффективных способов разрушать геополитического соперника изнутри.

Политика всегда вносит свои коррективы в понимание исторического процесса, пытается влиять на развитие исторической науки, подтверждая её зависимость от общества. Современные политики нередко обращаются к исторической памяти в целях выстраивания и (или) корректировки внешнеполитического курса. Все больший научный интерес в рамках исследований международных отношений привле-

кает анализ исторической памяти как одного из инструментов конструирования внешнеполитических нарративов.

С течением времени и в зависимости от разных социальных контекстов отдельный человек меняет своё отношение к образу прошлого, а тем самым изменяется и сам этот образ. Поэтому правильнее говорить не о коллективной, а о социальной памяти, имея в виду огромную роль социального фактора в формировании у нас образов прошлого [25, с. 12]. Образы, создаваемые памятью, отличаются архаизмом и фольклорностью, тогда как исторические конструкты являются продуктом критического анализа и интеллекта. В то же время если образы прошлого, создаваемые социальной памятью и профессиональными историками, со временем неизбежно изменяются – это происходит по разным причинам. В первом случае речь идёт об изменении социального и политического контекста, а во втором – о появлении новых исторических документов, новых методик и концепций [4]. Установлено также, что социальная память обладает высокой динамикой, и сменяющие друг друга поколения по-разному воспринимают одни и те же события прошлого, причём и в этом случае следует различать память о личном социальном опыте, и воспоминания, переданные взрослыми или обществом в целом [26]. При этом принципиальную роль играет как социально-политический контекст, в котором формируется такого рода память, так и особенности доминирующего в данный период исторического дискурса («исторического мифа»). В особенности важно, как именно этот дискурс сказывается на школьном образовании. Так, социологический опрос, проведённый в конце 1990-х – начале 2000-х гг., показал, что люди, получавшие образование в советское время, много лучше знали о Великой Отечественной войне, чем те, кто учились в школе в 1990-е гг. Кроме того, их представление о главных событиях Второй мировой войны кардинально отличались от того, что знали о ней, скажем, американцы [16].

В ещё большей мере в постсоветское время изменилось общественное отношение к революции 1917 г. и её героям, которые теперь оцениваются далеко не столь однозначно, как прежде [19]. Это связано с технологиями трансформации исторической памяти, которые имеют много общего с приёмами фальсификации истории. Эти технологии из учебной литературы, публицистики и кинематографии постепенно прони-

кают в научную литературу, которая, вместо изучения исторических событий и пропаганды научных знаний, включается в процесс формирования мифологических пластов массового исторического сознания современной России.

Стирание исторической памяти

Особенностью данной технологии является сознательное замалчивание определённых событий или возможных интерпретаций неоднозначных событий. Применительно к освещению событий Великой Отечественной войны эта технология либо замалчивает события, связанные с достижениями, и с тем, чем российское общество может по праву гордиться, либо выводит на первый план негативные моменты, которые имеются в истории любого общества, не исключая и российское. Так происходит в странах, образовавшихся после распада СССР.

Поиск идейной основы для собственного самоопределения привёл к появлению в них новых национальных «героев», в качестве которых нередко выступают лица, в той или иной форме сотрудничавшие с нацистами в годы войны. Напротив, резкой критике подвергаются действия советского руководства и Красной армии. В Риге, Таллинне, Вильнюсе, Киеве и Тбилиси даже открылись музеи «советской оккупации». Очередные «войны памяти» сопровождаются сносом прежних памятников и установлением новых монументов, внесением соответствующих изменений в учебники истории, закрепляющие новую историческую «правду». Разные точки зрения на события войны становятся основой для раскола в постсоветских обществах, часть населения которых воспринимает себя в качестве «оккупантов», а другая часть – «окупированных».

Историческая память нередко становится ареной идеологических конфликтов, душевных драм и трагедий. Переписывание истории, переоценка прошлого, свержение кумиров, ирония и насмешка разрывают хрупкую нить исторической памяти, изменяют энергетический потенциал культуры. Великие «отцы» становятся забытыми «дедами», новые памятники противостоят прежним ценностным ориентирам, мемориалы становятся бесхозными, книги оказываются ненужными. Уходят из жизни непосредственные участники событий, голоса оставшихся звучат все тише, а новые поколения теряют «времен связующую нить». Примеров тому масса. Переписывание истории в бывших

республиках СССР, ставших отдельными государствами, выражает желание показать, что они добились большего, чем другие народы, сыграли важную роль в истории. Для молодых государств, не имевших преемственности непрерывной линии развития, конструирование прошлого играет роль государствообразующего фактора, поэтому создаются новые историко-мифологические конструкции, расходящиеся не только с исторической действительностью, но и со здравым смыслом. На фоне «новой историографии» сопредельных государств происходит размывание исторической памяти. Например, в России гетмана Украины Ивана Мазепу ещё в 1709 г. предали анафеме и триста лет считали его предателем, изменившим своему государю – Петру I, а теперь он объявлен национальным героем в борьбе за независимость Украины. В украинском школьном учебнике по истории для учеников 5-го класса ответственность за развязывание Второй мировой войны возлагается в равной мере на Германию и СССР. Наименование «Великая Отечественная война» вообще отсутствует и заменено понятием «советско-нацистской войны». Из семи отводимых на войну страниц, три посвящены гибели в Бабьем Яру члена ОУН (Организация украинских националистов) Елены Телеги, две – боевому пути УПА (Украинская повстанческая армия) и только две – всей прочей событийной канве и оценочной интерпретации войны. О том, что украинские националисты активно сотрудничали с гитлеровцами и были причастны к трагедии в Бабьем Яру, естественно, ничего не говорится. ОУН и УПА оцениваются как главные силы антигитлеровского сопротивления. Ни о победах Красной Армии, ни о действиях красных партизанских отрядов, как, например, крупнейшего партизанского соединения под руководством Ковпака, не сообщается. Города-герои Одесса, Севастополь, Керчь в сводке событий военного времени даже не упомянуты. А гражданин Австро-Венгрии Степан Бандера, руководитель украинских националистов, прославившийся сотрудничеством с фашистами и невероятной жестокостью, стал символом современной Украины.

Все это привело к трагическим событиям, свидетелями которых мы являемся сегодня. Результатом использования таких технологий стало полное переформатирование исторической памяти нескольких поколений украинцев. Между тем подобные проявления мы наблюдаем и в российской действительности. В случае

стирания исторической памяти целиком «удаляются» события, герои, символы и т. д. Если же событие или символ сохраняются, но в них вкладывается иной смысл, то это значит, что мы имеем дело с другой технологией – переписыванием смысла. Ярким примером применения данной технологии стал фильм «Брестская крепость» (2010). Молодому поколению навязывают мысль о том, что люди погибли напрасно, этого можно было бы избежать, если бы руководство страны готовило войска к обороне, и само было бы готово к войне. Исторические события лишаются реального содержания. В случае переписывания смысла берётся реальное событие, но его смысл заменяется другим.

Ещё одним приёмом переформатирования исторической памяти является тот случай, когда остаётся форма, название, но реальное содержание выхолащивается. Данная технология также широко применяется в современных фильмах о войне. Так, в случае с фильмом «28 панфиловцев» (2016) героическая оборона Москвы (а в данном фильме речь идёт об одном из эпизодов этой обороны) выглядит следующим образом. Оживлённые упитанные мужчины средних лет с шутками-прибаутками обсуждают фашистские танки (какая у них броня, сколько у них катков и т. д.) В фильме нет врага – «тупые» танки и «тупые» немцы толпой идут на «русские» окопы и дружно погибают. Героев тоже нет – балагуриющие солдаты или равнодушно стреляют, или просто падают «от вражеской пули». Подвига тоже нет, поскольку герои ничего не боятся, и вообще плохо представляют, куда и зачем они пришли.

Фильм «Т-34» – превращение трагической истории о моральном подвиге и гибели в рассказ о батальных победах со счастливым финалом. Главный герой и его экипаж не погибают, а доживают до конца войны и благополучно возвращаются к мирной жизни. Акцент поставлен на победы, а не страдания, потери и тяготы войны. Не менее значим в данном плане перенос времени основного действия с 1942 на 1944 г., когда фронтовые победы советских войск стали реальностью, а не просто предвещаются. Вторая, тоже немаловажная, перемена в том, что историю о людях на войне сменил рассказ о войне, вернее, о технике и механике войны, о войне как боевых действиях. Наконец, ключевые персонажи остаются в живых на протяжении действия фильма, невзирая на все передраги, что создаёт представление о войне как увлекательном приключении без грязи, крови и трагизма, без па-

мнати о поражениях и потерях. Фильм содержит визуальные отсылки к компьютерным играм и стриминговым игровым видео (фиксирующим прохождение игры). Их стилистика хорошо опознаётся в изобразительном ряде (танковые сражения показаны, как в игре World of Tanks) и построении сюжета (который словно бы переходит с одного уровня сложности на другой по нарастающей) [6, с. 104]. Таким образом, формируется отношение к трагическим годам народа, как к лёгкому приключению, не имеющему никакой связи с настоящим, а значит, и дорожить нечем.

Следующая технология трансформации исторической памяти не отрицает событий, не отрицает фактов, но подаёт их, применяя метод дегероизации. При этом прибегают к двум приёмам – либо поступки героя анализируются и показываются без учёта исторического контекста, либо основное внимание акцентируется на отрицательных сторонах жизни героя. Если у кинематографистов не находится подходящих событий, символов, сюжетов или героев для пропаганды определённой позиции, то их просто придумывают, и затем показывают в нужном (как правило отрицательном) ракурсе, либо заведомо отрицательных персонажей показывают в положительном ключе. Так появляются «чёрные» мифы. Самым ярким примером подобного мифа в постсоветской России является фильм «Сволочи» (2006). В этом фильме Великую Отечественную войну просто оболгали. Фильм снят о том, чего никогда не было в Советском Союзе – об использовании подростков в качестве «пушечного мяса». Да, подростки воевали в партизанских отрядах, в подполье, трудились в тылу, но того, что показано в «Сволочах», просто не могло быть.

Генерирование «фобий» по отношению к событиям прошлого.

«Агентурный» взгляд на исторические события усиливает неуверенность и в понимании настоящего: ведь всё видимое представляется в качестве ширмы для «происков враждебных сил», а политическая борьба, идущая в российском обществе, редуцируется к «тайным замыслам элит». Ещё одной технологией трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне, которая не столь очевидна на первый взгляд, является отрыв показываемых военных событий от сформировавших их суть и смысл крупных и значимых событий прошлого. Так, во всех фильмах, посвящённых

Великой Отечественной войне, вышедших на экраны в постсоветский период, данная война вполне намеренно «отрывается» от Октябрьской революции [10]. Таким образом, именно от контекста, который меняется как во времени, так и в пространстве, в первую очередь зависит то, какой образ (позитивный или негативный, героический или приземлённый) принимает исторический персонаж или историческое событие и насколько они вообще значимы для социальной памяти народа. Например, во время опроса, проведённого почти 20 лет назад, в 2015 г. (опрошено по целевой выборке 1460 человек, от учащихся ПТУ до пенсионеров), ответы некоторых респондентов уже настораживали. Так, в число командующих немецкой армии были записаны маршал Блюхер, Багратион, Рузвельт. Александра Матросова «провели» чуть ли не по всем номинациям (он и партизан, и лётчик, и писатель, и конструктор военной техники...). На вопрос: «Сколько, примерно, советских солдат повторили подвиг А. Матросова?» – две трети молодёжи, половина лиц среднего возраста и 45 % пожилых не представляют порядок цифр (в прежних учебниках называлось более 200). Школьники 11-х классов часто задают контрвопрос: «А кто это? Что за подвиг он совершил?» [9, с. 114]. В 2010 г. молодёжь от 18 до 24 лет, на вопрос «Кто, по Вашему мнению, внёс наибольший вклад в победу над фашистской Германией?» 7,7 % опрошенных затруднились ответить, 2,1 % считают – США, а 12 % считают, что это – страны антигитлеровской коалиции [5, с. 147]. А опрос российских старшеклассников в 2020 г. показал, что около 17 % молодёжи России не разделяют чувства сопричастности и значимости события и, хуже того, убеждены, что нацистская Германия, наоборот, хотела освободить российский народ от красного ига [15].

В связи с конфликтом на территории Украины первыми лицами США неоднократно упоминается Вторая мировая война. Российские внешнеполитические действия в данном контексте расцениваются как «самое серьёзное злоупотребление властью со времён Второй мировой войны», «прямой вызов основанному на правилах международному порядку, установленному после окончания Второй мировой войны», а также как «что-то, чего не было со времён Второй мировой войны» [1]. Проведение подобных исторических параллелей и сравнение острой фазы российско-украинского противостояния с крупнейшим конфликтом в мировой истории, безусловно, призваны сформировать негатив-

ный образ России и героический образ США как защитников «свободного мира». Обращениями к исторической памяти через упоминание Второй мировой войны в контексте событий на Украине американские лидеры конструируют внешнеполитическую повестку для других стран: как и тогда, сейчас США и союзники должны сплотиться в борьбе против общих «врагов». При этом под «свободным миром», как следует из логики данного дискурса, подразумеваются те страны, которые разделяют взгляды США на мировой порядок независимо от их политического устройства и практической реализации либерально-демократических ценностей [20, с. 56].

В кризисном контексте информационное пространство становится полем боя. Здесь есть свои «победители» и «побеждённые», более чётко проявляется деление на «друзей» и «врагов»; образы поляризуются, становятся черно-белыми. В такое время остро ощущается отсутствие качественной информации, стираются различия между правдой и вымыслом. Все это следует учитывать, когда мы обращаемся к образу России, который сформировался в Европе под влиянием украинских событий [12, с. 24].

В условиях современной острой геополитической конкуренции поиск факторов и ценностных ориентиров геополитической идентичности определяет внутреннюю и внешнюю национальную политику. Исторические события, интерпретируемые определенным образом, нередко выступают основой для конструирования «образа врага», прошлое начинает использоваться как обоснование социокультурной нетерпимости в процессе создания проекта «новой истории» [11, с. 14]. Опираясь категориями пространства и государства, геополитика

служит обоснованию территориальных потребностей и защите национальных интересов, выявляет намерения и притязания государства в отношении определённых территориальных трансформаций, возможности их реализации, исходя из наличия природных и человеческих ресурсов, исторически сложившихся объективных условий бытия [3].

Весь исторический опыт России показывает, что российская цивилизация во все времена, при любых формах правления, была непонятна Западу, который, страшая её, продолжает последовательно реализовывать свои геополитические планы по уничтожению России, используя все технические и идеологические возможности. Так, английская «Файнэншл Таймс» пишет: *«Для внешнего мира Россия, независимо ни от каких преобразований, будет всегда неудобным соседом. Она слишком большая, чтобы её можно было игнорировать, но слишком сильно отличающаяся от всех других стран, чтобы ей можно было полностью доверять. Запад должен сохранять осторожность, ибо маловероятно, чтобы Россия стала таким государством, каким он хотел бы её видеть. Его политика должна вырабатываться без всяких иллюзий на этот счёт. Россия никогда не станет приручённым медведем»* [8, с. 108].

В современных условиях возможности коррекции и регулирования исторической памяти, образов тех или иных событий в общественном сознании на основе современных коммуникативных технологий многократно возросли, но не стали всемогущими. И в том, чтобы российское общество не потеряло свои корни, нужна постоянная систематическая работа по сохранению исторической памяти.

1. «Remarks by President Biden and King Felipe VI of the Kingdom of Spain Before Bilateral Meeting, Madrid, Spain». The White House. June 28. 2022, accessed August 13. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/06/28> (дата обращения: 19.02.2024).
2. Eifler M. A. Frontiers, Empires, and the New World: The Significance of the frontier in American Foreign policy. URL: <http://forumonpublicpolicy.com/archive07/eifler.pdf> (дата обращения: 29.03.2024).
3. Parker G. Western geopolitical thought in the twentieth century. New York : St. Martin's press, 1985. 199 с.
4. Wertsch J. V. Voices of collective remembering. New York : Cambridge Univ. Press, 2002. 203 p. Интернет-архив : [сайт]. URL: <https://archive.org/details/voicesofcollecti0000wert/page/2/mode/2up> (дата обращения: 19.02.2024).
5. Афанасьева А. И., Бойков В. Э., Тощенко Ж. Т. Историческая память в российском обществе: состояние и проблемы формирования. Результаты социологического опроса РАГС [Российской академии государственной службы] (2010) // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне : материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург, 2015. С. 133–154.
6. Воробьёва М. В. Политика памяти в фильмах о войне, или приключения одного сюжета // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 94–107.
7. Дробышева Е. Э. Культура vs цивилизация: взгляд через «Окно Овертона» // Вестник МГУКИ

- [Московского государственного университета культуры и искусства]. 2015. № 5. С. 58–64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-vs-tsivilizatsiya-vzglyad-cherez-okno-overtona> (дата обращения: 22.02.2024).
8. Денисов В. В. Роль геополитического фактора в истории России // *Философия и общество*. 2013. № 1, янв. – март. С. 105–119.
 9. Балабанов С. С., Саралиева З. Х. Историческая память о Великой Отечественной войне: поколенческий подход // *Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне...* С. 112–117.
 10. Кокоулин В. Г. Технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоветской России // *Дискурс-Пи*. 2020. №3. С. 24–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-transformatsii-istoricheskoy-pamyati-o-velikoy-otechestvennoy-voynе-v-postsovetской-rossii> (дата обращения: 19.02.2024).
 11. Кумыков А. М., Сериков А. В. Историческая память как фактор постсоветской реинтеграции России // *Научная мысль Кавказа*. 2013. № 4. С. 14–21.
 12. Лапина Н. Ю. Взгляд на Россию из Европы в свете украинских событий // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 9. С. 24–34.
 13. Неймарк М. А. О геополитических последствиях ревизии исторической памяти // *Международная жизнь : интернет-портал журн.* URL: <https://interaffairs.ru/news/show/36730?ysclid=lsql59w5bx677202563>. Дата обращения: 19.02.2024.
 14. Оруэлл Дж. 1984 / пер. с англ. В. Голышева. М. : АСТ, 2014. 318 с.
 15. Плахотный Н. В. Важность исторической памяти молодежи о событиях Великой Отечественной войны // *Яндекс. Дзен : сайт*. URL: <https://dzen.ru/a/W0xnBtNyBACqINay> (дата обращения: 19.02.2024).
 16. Покида А., Зыбуновская Н. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // *Credo New : электрон. междунар. теорет. журн.* 2024. № 1. URL: <http://credo-new.ru/archives/658> (дата обращения: 19.02.2024).
 17. Румянцев В. П. Концепция фронта Ф. Дж. Тёрнера и внешняя политика США в XX–XXI вв. // *Американский ежегодник*. 2016. М., 2017. С. 129–144.
 18. Он же. К вопросу об американском фронтире: Дж. Ф. Кеннеди и программа «Новый фронтир» (теоретический и внешнеполитический аспекты) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2013. № 1. С. 139–148. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-amerikanskom-frontire-dzh-f-kennedi-i-programma-novyy-frontir-teoreticheskii-i-vneshnepoliticheskii-aspekty> (дата обращения: 19.02.2024).
 19. Русакова О. Ф., Кочнева Е. Д. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти // *Дискурс-Пи*. 2017. № 3–4. С. 17–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenki-oktyabrskoy-revolutsii-v-ofitsialnom-diskurse-politiki-pamyati> (дата обращения: 19.02.2024).
 20. Историческая память в контексте внешней политики США: случай президентства Дж. Байдена / Л. М. Соколышник, Э. З. Галимуллин, А. В. Бондаренко, В. М. Семенов // *Международная аналитика*. 2022. Т. 13. № 3. С. 48–66.
 21. Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М. : Весь мир, 2009. 304 с.
 22. Цыганова А. А. Творческое наследие Ф. Дж. Тёрнера в истории американского прогрессизма : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : [б. и.], 2012. 27 с.
 23. Шаповалова А. М. Влияние геополитических процессов на историческую память // *Историческая память и исторические мифы в контексте геополитической конкуренции на Юге России : материалы науч.-практ. конф.*, 24 сент. 2018 г. Ростов-на-Дону, 2018. С. 15–20.
 24. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. 138 с.
 25. Шнирельман В. А. Социальная память – вопросы теории // *Историческая память и российская идентичность / ред.: В. А. Тишков, Е. А. Пивнева*. М., 2018. С. 12–34.
 26. Шуман Г., Белли Р., Бишопинг К. Коллективная память о политических событиях // *Библиотека Мичиганского университета : сайт*. URL: <https://deepblue.lib.umich.edu/handle/2027.42/91775?show=full> (дата обращения: 19.02.2024).
 27. Юдин П. Е. Геополитическая конкуренция и культурные ресурсы // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2014. № 3. С. 51–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-konkurentsia-i-kulturnye-resursy> (дата обращения: 19.02.2024).